

ГОРЬКИЙ В ПЕРЕПИСКЕ ЛОПАТИНА С А. В. И И. В. АМФИТЕАТРОВЫМИ

Предисловие, публикация и комментарии
Е. Г. Коляды

Публикуемые фрагменты извлечены из обширной переписки Лопатина с Амфитеатровыми. Большая часть этих писем относится к 1908 — началу 1913 г., к тому времени, когда Лопатин, часто уезжая из дома Амфитеатровых (где нашел в то время постоянное пристанище) в Лондон, Париж, Ниццу, Геную и другие города, подробно сообщал им о своей жизни вне «дома».

Интенсивность переписки, которую вел Лопатин, характеризует фраза из его письма Амфитеатрову от 4 сентября 1910 г.: «Сегодня это уже 14-е письмо».

В письмах Лопатина отразились разные стороны его личности. Так, письма к Бурцеву, отличающиеся суховато точной манерой изложения, целиком сосредоточены на деловых вопросах. Письмам к Амфитеатрову нередко присуща живость тона, близкая устным рассказам Лопатина. Особая, проникновенно интимная интонация свойственна и некоторым высказываниям Лопатина о Горьком. Со времени знакомства с Горьким Лопатин на протяжении ряда лет ощущал себя человеком, глубоко затронутым событиями его жизни, не только творческой и общественной, но и личной. Нужно иметь в виду, конечно, что публикуемые высказывания представляют собой лишь отдельные звенья цепи. Но в соединении с перепиской Лопатина с Горьким, Горького с Амфитеатровым и другими материалами «лопатинского» раздела настоящего тома они помогают восстановить целостную картину отношений Горького и Лопатина, содержат новое об этих отношениях, расширяют наше представление о личности Лопатина, его общественной деятельности, его настроениях той поры, его художественных впечатлениях.

Сквозная тема публикуемых фрагментов — встречи Лопатина с Горьким. Еще в конце 1908 г. Лопатин собирался приехать на Капри, но из-за участия в деле Азефа и других делах по разоблачению провокаторов не смог осуществить своего намерения на протяжении целого года, хотя — как это видно из публикации — не раз возвращался к мысли о поездке к Горькому. Обращает внимание письмо от 29 декабря 1909 г., написанное после того, как Лопатин впервые побывал на Капри. Выражая «приятную надежду» прочитать письмо Горького, Лопатин подразумевает то письмо писателя, в котором он поделился своими впечатлениями от встречи с ним (Г—А, декабрь, не ранее 9, 1909 г.).

Два раза Лопатин виделся с Горьким летом 1910 г. Письмо об их свидании в Аляссио у Е. П. Пешковой от 26—27 июля — одно из немногих свидетельств этой встречи.

В публикацию включены высказывания Лопатина о Шаляпине. Некоторые из них, относящиеся к 1911 г., знакомят нас с обстоятельством, осложнившим отношения Горького и Лопатина в ту пору. Можно предположить, что более чем годовой перерыв в их переписке был связан именно с этим. Лопатин не был солидарен с Горьким в отношении к известному «инциденту» в Мариинском театре. Но вместе с тем Лопатину была чужда та компрометация творческой личности Шаляпина в целом, которая содержалась в суждениях Амфитеатрова той поры, что явствует из его письма Амфитеатрову от 23 сентября 1911 г.

К моменту следующей встречи Горького и Лопатина на Капри шероховатости в их отношениях сгладились. Из писем Лопатина к Амфитеатрову видно, что в 1912 г. он хотел увидеть Горького уже в июне (на Капри) и в августе (в Аляссио), но смог осуществить свои планы только в ноябре 1912 г. В переписке Горького с Лопатиным есть письма, предшествующие этой встрече (Г—Л, п. 6—8), но нет писем, подтверждающих, что она состоялась. В своем дневнике Пятницкий отме-

тил на этот раз лишь день отъезда Лопатина с Капри, не прибавив других подробностей (АГ).

В настоящую публикацию включены фрагменты из семи открыток Лопатина, написанных во время его поездки из Феццаво в Неаполь и на Капри в ноябре 1912 г. По первым из них легко представить, с каким приподнятым настроением ехал он на Капри. Не случайно в одном из рассказов возникает образ из прошлой, «дошлиссельбургской», жизни — образ человека, который идет на парусной лодке «круто к ветру». В письме к Амфитеатрову (п. 28) Лопатин подробно рассказывает, с каким нетерпением ждали его приезда Горький и М. Ф. Андреева. Правда, в открытках, написанных уже с Капри (п. 28—29), Лопатин почти не характеризует содержания своих бесед с Горьким. Упомянуто лишь о равнодушном отношении писателя к разговорам о «делах Бурцева» (т. е. об издании «Будущего» и «Былого»). Но из воспоминаний Бурцева мы узнаем, что в один из вечеров у Горького речь шла о все еще остро волновавшей и Горького и Лопатина теме — подробностях разоблачения Азефа, а также то, что и в этот свой приезд к Горькому Лопатин много рассказывал о своей жизни — «рассказывал по обыкновению красочно и увлекательно» (п. 29, прим. 1).

По всей вероятности, встреча Горького и Лопатина в ноябре 1912 г. была последней. В связи с этим особую ценность представляют упоминания Горького в письмах Лопатина Амфитеатрову 1913—1914 гг. Они являются свидетельством его глубокого интереса к жизни Горького и в этот период. В письмах из России привлекает внимание нетерпеливое ожидание Лопатиным возвращения Горького на родину, где, по его словам, писателю «действительно нашлась бы роль и дело» (п. 35).

Публикуемые документы еще раз подтверждают нараставшее отчуждение между Горьким и Амфитеатровым. Оно сказалось, например, в амфитеатровской оценке отношения Горького к процессу Бейлиса, в высказываниях о горьковских театральных замыслах.

Органическая связь переписки между Лопатиным и Амфитеатровыми с материалами тома позволяет подойти более широко к отбору текстов для данной публикации. В отдельных случаях вниманию читателя предлагаются фрагменты, в которых нет прямых упоминаний о Горьком, но которые так или иначе связаны с волновавшими писателя проблемами.

Сохранилось 152 письма Лопатина (ЦГАЛИ, ф. 34). Писем Амфитеатрова — 30. Из них 4 письма находятся в фонде Лопатина в ЦГАОР (ф. 9104).

Ниже публикуется 37 фрагментов из писем Лопатина и 9 — из писем Амфитеатрова.

1. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

(Ницца.) 19.1.09

Дорогой А. В.! Свои ниццские дела я прикончил или почти что так; в четверг последнее свидание по здешним делам. Но в пятницу я уезжаю — увы! — не в Кави, не в Рим и не на Капри¹, а в Париж. Вы сами можете себе представить, — что там теперь происходит... Читали ли вы «Извещение» парижск(ой) группы «эсеров» № 1?² <...>

Сегодня получаю настоятельное приглашение от «товарищей» явиться немедленно в Париж с предложением возместить дорожные издержки³. Но кто эти «товарищи»? Ни даты, ни подписи, кроме непонятных инициалов Н. В.!⁴ Удивительные люди! К счастью, я и без того еду туда по приглашению Б(урце)ва. — И я радуюсь с Вами успеху «Бор(иса) Годунова»⁵. — Жаль, что мне не удастся познакомиться у Вас с Ш(кляпиним) 2 или 3 февр(аля)⁶. — А не «тряхнуло» Вас в Милане?

¹ Лопатин предполагал выехать на Капри в конце декабря 1908 г. Горький писал в это время Е. П. Пешковой: «На днях жду: Елпатьевского, Лопатина, Ам-

фитеатрова, Богданова» (Арх. Г. Т. IX. С. 58). Затем отъезд был перенесен на 20 января 1909 г.

² Имеется в виду официальное извещение ЦК партии эсеров от 23 декабря 1908 г., в котором сообщалось, что Азеф «уличен в сношениях с русской политической полицией и объявляется провокатором. Скрывшись до окончания следствия над ним, Азеф, в виду своих личных качеств, является человеком крайне опасным и вредным для партии».

«Не правда ли,— писал Лопатин в более раннем письме от 1/14 января 1909 г.,— какой ужас охватывает душу, когда реализируешь себе,— что скрывается на деле под этими немногими и краткими строчками?!...»

³ Видимо, речь идет о приглашении принять участие в ликвидационной комиссии по делу Азефа. (См. п. Лопатина Бурцеву от 11 янв. 1909 г. в сообщении Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...»). «Приехав в Ниццу,— писал Лопатин Амфитеатрову 16 января 1909 г.,— нашел настоящее приглашение приехать в Париж. Вы сами понимаете, что при нынешних обстоятельствах отказ немислим <...> Мне предлагали даровой, депутатский билет 1-го кл(асса), в Неаполь (через Рим) и обратно. Соблазн был велик, но поездка в Париж сейчас важнее».

⁴ О ком идет речь — установить не удалось.

⁵ Премьера оперы «Борис Годунов» М. П. Мусоргского в Миланском театре «Ла Скала» с участием Шаляпина состоялась 14 января 1909 г. См.: А—Г, п. от 15 или 16 января 1909 г.

⁶ В цитированном п. Амфитеатрову от 16 января 1909 г. Лопатин сетовал: «Жаль, что не сообщили точно — когда именно будет в Сави Шаляпин: быть может, я и выкроил как-нибудь визит туда». По-видимому, в ответном письме Амфитеатрова (не дошедшем до нас) сообщалось о времени пребывания Шаляпина в Кави. Горькому Амфитеатров писал 23 января 1909 г.: «2-го или 3-го февраля хотел приехать проездом в Монте-Карло Ф. И. Шаляпин».

2. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

(Париж.) 26.I.09

<...> От Рима и Капри еще не отказываюсь, но едва ли выберусь скоро¹.

Печатается по машинописной копии, снятой Амфитеатровым с открытки, присланной Лопатиным. Лопатин в п. Амфитеатрову от 30 января 1909 г. просил вернуть ему «эту открытку для справок». В ней Лопатин высказал ряд соображений о втором извещении ЦК партии эсеров по делу Азефа.

¹ Поездка Лопатина на Капри состоялась только в декабре 1909 г.

3. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ

(Париж.) 9, Rue Sarrette, 5.II.09

<...> Эх! досадно, что ни в Риме, ни у Горького я не буду вместе с Вами¹.

¹ Амфитеатров был на Капри в начале марта 1909 г.

4. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

(Париж.) Вторник 2.III.09

<...> Выезжаю я все же в четверг или пятницу, но еду через Ниццу, где приостановлюсь на несколько дней, и вот приходит мне в голову, что путь мой в Сави лежит теперь через Monte Carlo, где сейчас, может быть, живет и поет Шаляпин¹ и где есть возможность познакомиться с этим несомненно интересным человеком², хотя и не так удобно и приятно, как это было бы у Вас. Так вот, если Вы найдете, что это все же практичная мысль, то скажите, как по-Вашему удобнее осуществить ее, адресовав мне пару строчек по такому адресу: mr. H. Lopatine, Pharmacie Guidasci 60, Avenue de la Gare. Nice, France³.

¹ 13 февраля 1909 г. в Монте-Карло в театре «Казино» состоялось первое представление оперы Р. Гюнсбурга «Старый Орел» по легенде Горького «Хан и его сын». Шаляпин выступил в роли Асваба.

² 7 и 9 марта 1909 г. Лопатин сообщал Амфитеатрову, что, приехав в Ниццу, написал Шаляпину письмо, в котором предлагал встретиться, но ответа так и не получил.

³ Адрес уточняется грифом п. Лопатина Амфитеатрову из Ниццы от 6 марта 1909 г.: «Pharmacie C. Guidasci, Parfumerie. Аптека русской колонии. 60, Avenue de la Gare, Nice. Заведыв. Русск(им) отделом М. А. Тумацов».

5. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

(Белград) ¹ III, 22/9, 1909 г.

<...> Очень был рад и счастлив получить Ваше письмо, да еще из Кави. Я буду назад в половине апреля. Значит, увидимся все непременно. Максим Горький приедет в Кави в конце апреля. Ergo* — вся компания соберется вкупе и влюбе <...>

Пожалуйста, не уезжайте без меня!

По всей вероятности, сообразно маршруту моему я буду возвращаться морем через Константинополь, Пирей и Бриндизи. В таком случае давайте в Риме встретимся, поедем вместе к милому Максимычу, а потом, стало быть, вместе возвратимся в Кави ².

Письмо на бланке: «Hotel „Moskwa“, Belgrad».

¹ Амфитеатров выехал на Балканы в конце февраля — начале марта 1909 г.

² Во второй половине апреля 1909 г. Горький писал Амфитеатрову, что ждет его приезда на Капри. Намечаемая поездка Лопатина и Амфитеатрова на Капри не состоялась, так же как и поездка Горького в Кави.

6. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

Paris, 50 Bd St. Jacques
22.XII.09

<...> Торопился я сюда зря. Б(урцев) выедет только 29-го ¹. № 3 «Об(щего) дела» выйдет, вероятно, еще при нем... Так что если бы Вы и А(лексей) М(аксимович) поспешили присылкою своих статей, то они могли бы попасть еще в этот № ².

¹ Бурцев вызвал Лопатина в Париж для работы в редакции журн. «Былое» и газ. «Общее дело» на время его пребывания в Америке. Лопатин приехал в Париж 17 декабря 1909 г. Как это следует из его п. Амфитеатрову от 22 декабря, он ехал в Париж с намерением участвовать в разоблачении трех провокаторов. В этом же письме было сказано: «...вероятно, не откажусь заместить Б(урцева) на время его отсутствия. Неловко как-то, взяв во внимание его собственное неусыпное усердие к очистке авгиевых стойл и к нанесению правительству всякого ущерба, хотя сам я тайно вздыхаю по спокойному прозябанию в Кави».

² Статьи не были присланы.

7. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

Paris, le 29.XII.09

<...> Вы сами поманили меня приятною надеждою получить по прочтении письмо А(лексея) М(аксимовича) ¹, ну, я и ждал его со дня на день, чтобы вернуть его Вам вместе с моим ответом; но доселе не получил его и опять-таки не знаю — чему приписать это. Зато я получил «Лето» и «Мать», и так как они высланы из Кави, то я заключаю из этого, что Горькие вырвались-таки с Капри хоть на время и проводят святки у Вас ². Если это так, то я еще горче сожалею о моем преждевременном отъезде и о том, чего я этим лишился. Кстати, о преждевременности. Бурцев, откладывая отъезд со дня на день, взял, наконец, 3 билета на 29-е (около 1000 fr.), но принужден был отказаться от них (с крупным убытком) и взять вновь билеты на 5 января,

* следовательно, поэтому, итак (лат.).

от которых, может быть, снова придется отказаться в случае внезапного получения разных сенсационных relations * и т. п. Хочется ему выпустить при себе № 3 О<бщего> д<ела>.

Кстати: я понял Вас так, что Вы надеетесь послать свою «Куропатку» в четверг (23-го), и тогда она поспела бы еще к № 3; но пока не получилось ничего, это очень огорчает Б<урцева>, и теперь она может пойти только в № 4. От А. М. тоже не пришло ничего, так что О. Д. приходится пока пробивать себе дорогу одними только собственными, скромными литературными силами.

О себе писать не берусь: длинно и трудно. Говорю просто: мученик я да и только! <...> Комната у меня своя, но в ней «дверь на петле не постоит», как и во всех других. Трудно сказать, сколько раз отрывался я от пера и бумаги на протяжении этих двух строчек!.. А это превращение ночи в день и дня в ночь! А это размочаливание нервов при просмотре секретных материалов и знакомстве с их авторами или объектами! Но что за золотая руда для мыслителя или художника эти подлинные матерьялы, напр. записки убийцы Карпова! Уверяю Вас, мой милый А. В., что при их чтении для *меня* — человека с научно-философским складом ума — политическое значение их и самого факта отходило в тень перед их психологическим и социологическим интересом <...> А какой душераздирающей трагедией дышат, напр., письма к мужу (неудачному «идейному» провокатору) его жены, — женщины, очевидно, с *благородной*, чистой душою и страстно *любящим* сердцем <...>. Да и мало ли еще чего интересного в этих архивах людской гнусности и полного падения.

Но при всем том я все же мученик, не имеющий и часу совсем спокойного и вполне для себя <...>

Всего обиднее, что никак не могу добиться часу и настроения, чтобы написать Горьким³, которые так полюбились мне сразу и были так сердечны со мною. Если они все еще гостят у Вас, обнимите их, пожалуйста, за меня.

Письмо на бланке редакции журн. «Былое» и газ. «Общее дело».

¹ Речь идет о письме Горького к Амфитеатрову, написанном, по всей вероятности, после отъезда Лопатина с Капри, в котором он делился впечатлениями о встрече с Лопатиным (Г—А, п. от дек., не ранее 9, 1909 г.).

² 27—30 декабря Горький находился в Неаполе. Из Неаполя вернулся на Капри, не заехав к Амфитеатрову (Г—А, п. от 31 дек. 1909 г.). Книжки «Мать» и «Лето» были пересланы Лопатину Амфитеатровым по поручению Горького (А—Г, п. от 1 или 2 янв. 1910 г.).

³ П. Горькому было написано 1—2 января 1910 г. (Г—Л, п. 1).

8. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

(Париж.) 31.XII.09

<...> Спасибо за новости. Отсутствие упоминания о Горьких принимаю за знак, что их у Вас нет и не было. Почему же тогда книги А<лексея> М<аксимовича> пришли из Кави?

9. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

(Париж.) 9.I.10

<...> Кстати: почему не черкнете какого-либо успокоительно-разъяснительного слова по поводу письма Горького?¹ Раздумали ли Вы послать его? Или же оно затерялось на почте? В последнее, впрочем, по обыкновению, мало верю.

* донесений, сообщений (фр.).

Еще кстати: каким образом «Лето» с *собственноручною*, лестною подписью автора (которая растрогала и сконфузила меня) — пришло ко мне из *Кави*, если Горькие не были у Вас на святках? Не понимаю!²

¹ См. п. 7, прим. 1.

² См. также: Г—Л, п. 1.

10. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

«Париж.» 11.I.10

Дорогой Ал. Вал.!

Вчера, когда я дописывал после бесчисленных перерывов мое письмо к Вам, Ваша книга была уже получена, но лежала у меня на столе не вскрытая¹.

Сегодня вечером, проводив последнего посетителя, я растянулся на кровати и взял ее в руки, чтоб отдохнуть от трагикомических впечатлений дня и хоть немного позабыть о них «в чарованье красных вымыслов»². Взял, уютился, настроился надлежащим образом... как вдруг наткнулся на Ваше посвящение, которое привело меня в неопишное смущение. Бог Вам судья, дорогой Ал. Вал.! Зачем же так смущать безобидного человека? Убить, что ли, Вы меня хотите? Как должен жить человек, чтобы без стыда смотреть в глаза людям после такого посвящения?³ Какие геркулесовы подвиги совершать на старости лет, чтобы не оказаться публично «неключимым рабом, лукавым и ленивым»? Нет! Нет! как хотите, это ласково, но безжалостно. Набросав наскоро, под первым впечатлением этот протест, все же дружески-признательно жму Вашу руку и берусь снова за книгу, чтобы ознакомиться с Вашим новым творением.

Ваш ГЛ

Письмо публикуется полностью.

¹ Первый том романа «Девятидесятники».

Позже, 28 января 1910 г., Лопатин писал Амфитеатрову по поводу этой книги: «Успеху 90-ников не удивляюсь: там есть яркие страницы и притом касательно таких житейских язв, о которых мало говорят, но которые больно чувствуются, особенно «женским сословием». Помнится, я говорил Вам, что Wells (Герберт Джордж Уэллс) курьезным образом подходит к своему социализму именно тоже со стороны материнства и детопитательства».

² Неточно цитированная строка из богатырской сказки (в стихах) Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1795). У Карамзина — «чародейство красных вымыслов».

³ Горький писал Амфитеатрову: «Очень по душе мне и то, что книга ваша Г. А. посвящена и что назван он в посвящении „могучим русским человеком“» (Г—А, п. от 9 янв. 1910 г., прим. 4).

11. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

«Аляссио. 26–27 июля 1910 г.»

<...> *Alassio*¹. Вторник. Ночь. Попенял А<лексею> М<аксимовичу> за «незавертывание» при проездах. Он отвечал только смущенными улыбками. Прибавил обещание исправиться на этот раз, но, кажется, — лживое. Уезжает отсюда на днях <...>

Р. С. Среда, 5 ч. утра — попал я сюда вчера как раз в день рождения Ек<атерины> Пав<ловны>², которая — как оказывается — живет уже на белом свете «ровно 30 лет и 3 года». — За ужином пили шипучее, а потом были в опере («Fanfan la Tulpe») ³. Сейчас иду купаться, ибо что же другое делать в этот час и одному? (другие, конечно, еще спят).

Датируется по содержанию и почт. шт.

Е. П. ПЕШКОВА С СЫНОМ МАКСИМОМ

Италия, 1907

Музей Горького, Москва

² Имеется в виду п. Горького Амфитеатрову (конец сент. 1910 г.), в котором он негодует на падение нравов в писательской среде.

¹ 25 июля 1910 г. Лопатин писал Е. П. Пешковой: «Буду проезжать мимо Вас завтра, во вторник, 26 VII, в 3 ч. 52 м. дня» (АГ).

П. к Амфитеатровой начато Лопатиным в Нерви, во вторник 26 июля в 6 часов утра. В тот же день Лопатин приехал в Аляссио, где и продолжал писать это письмо.

² Горький находился у Е. П. Пешковой в Аляссио 15–28 июля 1910 г. Путь в Аляссио лежал через Геную, недалеко от которой находилось местечко Кави ди Лаванья.

День рождения Е. П. Пешковой — 13/26 июля.

³ Возможно, речь идет о комической опере Луи Варнея «Фанфан Тюльпан».

12. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

(Феццано.) 25 сентября 1910 г.

«...» На днях грозитя приехать Максимыч¹, но я уверен, что падует. Он страшно не в духах, судя по частым письмам, равно как и М(ария) Ф(едоровна), киснет и негодует на многое².

Автограф находится в ЦГАОР (ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 5).

¹ Амфитеатров имеет в виду п. Горького к нему (сент., не ранее 23, 1910 г.), в котором он писал: «Не сомневаюсь, что по скорости попаду к вам, а когда — не знаю еще».

13. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

(Боглиаско.)¹ 27.IX.10

«...» Приезд Максимыча был бы, вероятно, для Вас большим отдыхом и развлечением, но из эгоистических побуждений я лучше желал бы, чтобы он совершился при мне. Да и что стоит потерпеть до 10 октября?!²

28.IX.10. Сейчас получил Ваше письмо. Вы так соблазнительно описываете и «инсинуируете» все прелести Специи³, что меня «здорово» потянуло туда.

¹ В Боглиаско Лопатин лечился у доктора А. С. Залманова.

² Горький приехал в Феццано 12 или 13 октября 1910 г. во время своего путешествия по Северной Италии. См.: ЛЖТ. Вып. 2. С. 151.

³ Переехав из Кави ди Лаванья в Феццано, Амфитеатров писал Лопатину 27 сентября 1910 г.: «Дорогой Г. А., ужасно жаль, что Вы так долго откладываете приезд. Конечно, дело Ваше, но жаль, что приедете Вы в Специю сравнительно поздно, на зиму глядя (...) А. главное, уж больно рыба прекрасна и всякая живая морская тварь. Здесь залив имеет именно те качества жизни, по коим Вы в Кави сокрушались. Скалы обедыны моллюсками, ходят крабы, плавают пудьны (?) и пр. и пр.» (ЦГАОР, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 5).

14. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

Paris, le 8 Septembre 1911

<...> Очень интересует меня знать: как это вышло, что Ек<атерина> Павл<овна> едет к Вам в гости и что из сего произойдет в сфере островных отношений? ¹

Письмо на бланке журн. «Былое» и газ. «Общее дело».

¹ Е. П. Пешкова с сыном заехала в Феццано проездом в Швейцарию: «Про- были 1½ сутки и уехали» (п. Е. П. Пешковой Горькому <сент. 1911 г.> (АГ)). Пребывание Е. П. Пешковой с Максимом в Феццано вызвало неодобрение Горького. «Извещен, — писал он Е. П. Пешковой 12 сентября 1911 г., — что ты была в Феццано, в новом ковчеге праотца Александра, — ты с Максимом, разумеется, были парой „чистых“. Писал мне А<лександр> В<алентинович> дважды дифирамбы Максиму, очень сын наш понравился ему. Это, конечно, рекомендация не очень высокой марки, ибо есть в ней неможно неискреннего, заигрывающего» (Арх. Г. Т. IX. С. 119—120).

15. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

Fezzano. 1911.IX.18

<...> Посылаю Вам копию с безрадостной переписки ¹. Если найдете нужным, можете показать В. Л. Бурцеву. Я не намерен оглашать этого, но не намерен и делать секрета, ибо все равно через неделю какой-нибудь подробный и рекламный отчет «о событии» явится в газетах <...> Вы, конечно, будете упрекать меня за резкость, но, право, не мог иначе.

¹ Амфитеатров послал Лопатину копию своего п. Горькому о Шалянии от 18 сентября 1911 г. Горький заметил в ответном письме Амфитеатрову 20 сентября 1911 г., что это письмо «имеет такой тон, как будто написано для публики».

16. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

<Париж.> 21.IX.911

<...> Письмо Ваше, быть может, «непреклонно-жестоко», но «резкости» в нем я не нахожу. Напротив, мне особенно нравится его *тон*. Впрочем, оно мне *вообще* понравилось, во всем его *целом* <...> Я очень милостливый человек, но милости к Ш<аляпину> я не испытываю <...> Да и когда дело идет о важном общественном интересе, не приходится сентиментальничать (особенно *сейчас!*) <...> Конечно, Б<урце>ву очень хочется тиснуть его в своей газете, которую надеется начать вскоре <...> Но как поступить, не компрометируя Вас, с письмом Г<орького>, без которого Ваше письмо непонятно? О его согласии не может быть и речи? Можно напечатать: «Мы слышали, будто бы Г. обратился к А. с письмом приблизительно такого содержания (очень близкое изложение), на каковое А. отвечал тако (нам показывали черновик)»?

17. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

<Париж.> 23.IX.911.

Дорогой А. В.! Позабыл прибавить вчера, что один пункт Вашего письма показался мне несправедливым, а именно тот, где Вы укоряете Ш<аляпина> в преступлениях против *искусства* ¹. Ведь артист (актер, певец) не сам сочиняет те пьесы, в которых он выступает. И скольких — иностранных и русских — гениальных артистов превозносили до небес именно за то, что, выступив в какой-нибудь жалкой пьесе — чуть не водевиле, — они ухитрились сделать из какой-нибудь тусклой бесцветной фигуры настоящее живое лицо, глубоко потрясавшее публи-

ку и вызывавшее у нее высокие эмоции. И о Ш. говорили это самое как раз по поводу Дон-Кихота² и Ивана Грозного³. В чем же тут его вина?

Вот если б он сам *заказывал* такие пьесы исключительно в *своих* интересах, ну, тогда, пожалуй, можно бы еще было нападать на него, да и то не безоговорочно. А теперь за что?

¹ Амфитеатров писал Горькому 18 сентября 1911 г., что Шаяпин «продал свой талант и влияние на засоривание искусства „Дон-Кихотами“, „Старыми орлами“, „Иванами Грозными“».

² Речь идет об опере «Дон-Кихот» Жюль Массне, написанной специально для Шаяпина. Сам Шаяпин высоко оценивал художественные достоинства этого произведения. См.: А—Г, п. от 16 мая 1910 г., прим. 1.

³ «Иван Грозный» — опера Р. Гюнсбурга. Шаяпин впервые исполнил главную партию в этой опере 2 марта 1911 г. в Монте-Карло, в театре «Казино».

18. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

Fezzano. 1911.IX.23

Ай, нет, дорогой Герман Александрович, письма моего к А<лексею> М<аксимовичу> никак нельзя печатать. Это значило бы совершенно разрушить отношения, и без того ставшие не очень-то ладными, и жестоко обидеть А. М., чего я отнюдь не хочу.

<...> Но напечатать письмо значило бы учинить *нападение*, на что не ощущая в себе ни охоты, ни права.

19. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ¹

(Париж.) 25.IX.911

Сейчас получил Вашу записку по поводу Ш<аяпина>. Вы сами же ввели меня в заблуждение словами: «можете показать Бурцеву; оглашать этого я не намерен, но и делать запрета тоже, так как все равно через неделю это попадет в газеты». Я и понял так, что Вы не хотите посылать своего письма в газеты *сами*, от *своего* имени, но ничего не имеете против «нескромности» друзей. Ну и ладно. Я Вас вполне понимаю и огорчу Б<урце>ва разрушением его надежд на эту «сенсацию».

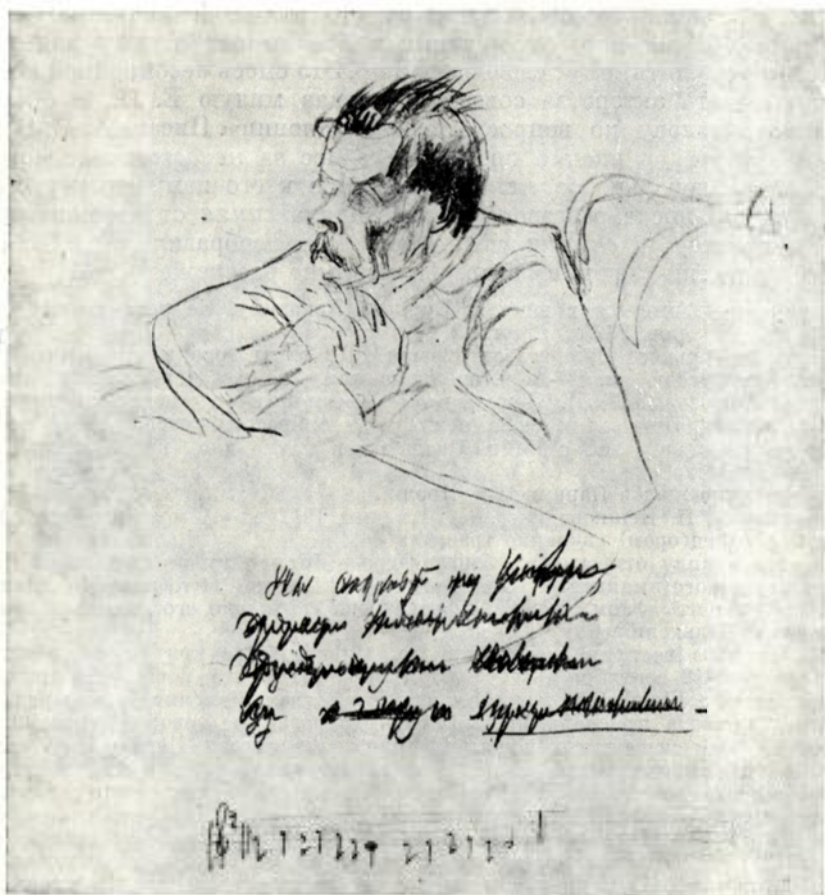
¹ Продолжение п. Лопатина Амфитеатрову от 23 сентября 1911 г. Публикуемый фрагмент написан после получения п. Амфитеатрова от 23 сентября.

20. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

9.X.11. Spezia

<...> Но что это за «милый гость», которого Вы ждете? Максимыч? И когда?¹ И к чему эти подстрекающие любопытство умолчания, — «интриганка» Вы этакая!

¹ В п. Горького Амфитеатрову этого времени нет и намека на желание Горького приехать в Феццано. 9 или 10 октября 1911 г. Горький предлагал Амфитеатрову встретиться в Риме. В связи с этим И. В. Амфитеатрова писала Е. П. Пешковой 14 октября 1911 г. из Феццано: «...на днях мы собираемся дней на пять в Париж <...> А<лександр> В<алентинович> не только собирается повидать А<лексея> М<аксимовича>, но, по-видимому, свидание это состоится не сегодня завтра перед нашей поездкой в Париж. Это будет в Риме по предложению самого А. М. Нечего и говорить Вам, как обрадовался А. В. возможности повидать его на нейтральной почве. Надеемся очень, что без посторонних свидетелей <...> Хорошо им теперь повидаться, чтобы дать возможность обвалиться последним «чешуйкам недовольства и непонимания» (АГ).

ГОРЬКИЙ

Рисунок Ф. И. Шаяпина (бумага, карандаш). Капри, 1911—1913. Под рисунком нотная строка и тщательно зачеркнутое шутовое четверостишие Шаяпина: «На острове на Капри // Живет живой старик // Давно жует он лакри-//цу и головой поник»

Музей Горького, Москва

21. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

(Париж.) Четверг 13.VI.12

Не знаю — дорогой Ал. Вал. — пробежали ли Вы перед отправкою бурцевское письмо? ¹ <...> В нем всего любопытнее та маниакальная серьезность, с которой он изумляется, что ни я, ни Вы, ни А<лексей> М<аксимович> ², ни мир вообще не поняли всей важности и величия его намерения для русской истории <...>

Видел я Ек<атерину> Павл<овну> ³ <...> Очень интересно и мило рассказывала она мне о посещении Шаяпина ⁴: как она долго не решалась принять его, чтоб выслушать его объяснения; как вся душа ее поднималась при мысли увидеть его и говорить с ним; как она боялась общего возмущения против себя и какой-нибудь неприятной встречи и оскорбительной выходки у себя дома ⁵; как поразило ее искаженное от волнения лицо Ш<аяпина>, с которым он говорил ей, что сам не понимает — как это случилось, что он действовал при данных обстоятельствах как-то автоматически, что после ему было досадно, но что он все же не догадывался о всей важности случившегося, что только Ваше письмо ⁶ открыло ему глаза, потрясло до глубины души

и поразило в самое сердце, благодаря его любви и почтению к Вам и А. М.; что с тех пор он мученик и все ломает голову над тем — чем и как искупить ему свою вину и пр. Эта смесь несомненной искренности и высокого актерства совсем завоевала милую Е. П., и она тоже стала ломать голову по вопросу об «искуплении». Писала А. М. В ответ на плохо понятое ее письмо получила разнос за *недостаточное* понимание Ш., за не довольно *бережное* отношение к его измученному сердцу (а она три дня после разговора с ним ходила *синяя* от пережитых волнений), а главное за *самомнение*, с коим она вообразила, что Ш. искал *ее помощи* для «искупления» и пр.⁷ Но всего не расскажешь.

¹ По-видимому, имеется в виду п. Бурцева Лопатину. Не разыскано. См. также: А—Г, п. от 28 мая 1912 г., прим. 13.

² О письме Горького Бурцеву от 28 мая 1912 г. по поводу намерения Бурцева вернуться в Россию см. Г—А, п. от конца мая — начала июня 1912 г., прим. 1.

³ Лопатин известил Е. П. Пешкову о своем приезде в Париж открыткой от 10 июня 1912 г.: «Приехал я сюда повидаться с братом, которого жду сегодня. Очень бы хотел повидаться с Вами. Скажите: в какие дни (кроме завтра, вторника) и часы Вы свободнее?» (АГ).

⁴ Шаляпин приехал в Париж на гастроли.

⁵ Горькому Е. П. Пешкова писала (20 июня) 1912 г.: «А меня начинают понемногу за мое с Фед(ором) свидание травить» (АГ).

⁶ Имеется в виду открытое п. Амфитеатрова Шаляпину от 26 января 1911 г. по поводу известного инцидента. (См.: Г—А, п. от 26 янв. 1911 г., прим. 3). Шаляпин едва ли мог говорить о том, что п. Амфитеатрова «потрясло его», после появления в печати его п. Волькенштейну (Там же).

Е. П. Пешкова восприняла открытое п. Амфитеатрова критически, о чем она писала Горькому 12 сентября 1911 г.: «Помнишь, в Париже, когда тебе присылали разные сведения о Шаляпине, когда сообщали о словах Шал(япина), что ради тебя он это сделал, когда прислали письмо Амфитеатрова (ты говорил, упрекали, что ты молчишь) — ты сказал, что, пожалуй, придется написать. Письмо Амф(итеатрова) мне не понравилось, и, помнишь, я тебе говорила, что если Амф(итеатрову) неудобно молчать показалось, то твое имя так высоко и чисто, что на вылазки по твоему адресу не стоит тебе отвечать» (АГ).

⁷ Речь идет о п. Горького Е. П. Пешковой (между второй половиной мая и 4 июня 1912 г.). Отвечая в полемическом тоне на некоторые высказывания Пешковой о Шаляпине (АГ), Горький имел в виду прежде всего Амфитеатрова и его окружение. «Оставить бы Федора в покое, — писал Горький, — он его заслужил и нуждается в нем, как всякий человек, творящий большое дело среди миллионов бездельников.

Ты не сердись, — это не только тебе писано, но и дальше через твою голову» (Арх. Г. Т. IX. С. 143).

И в следующем п. Е. П. Пешковой от 4 июня Горький пояснил: «Я не злюсь, а мне неприятно видеть, что ты на истории с Шаляпиным устроила праздник и парад всем твоим добродетелям. Буду очень рад, когда тебя проберут хорошенько за „измену принципам“, и ты сама убедишься, как неприятны люди, когда они выворачиваются наизнанку, дабы показать миру твердость и блеск своих душ» (Там же. С. 143).

22. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

(Париж.) 23.VI.12

<...> Бродила во мне мысль — вернуться кружным путем, т. е. проехать в Геную через Лозанну, с заездом в Кларан, а из Генуи спуститься морем в Неаполь, где посмотреть Помпею и Горького¹, после чего приехать в Рим и убить там недельку на осмотр тамошних зрелищ, — и уж только после этого вернуться к Вам с юга. Но не знаю — хватит ли у меня на это предприимчивости: очень уж я утомлен и разбит здешней безалаберной жизнью.

¹ 27 июня 1912 г. Лопатин писал Амфитеатровой из Парижа: «Думаю выехать отсюда завтра, прожившись в прах и изнемогая от усталости. Если последнее чувство не изменится дорогой, то, вероятно, откажусь от затеи вернуться через Неаполь и Рим и направлюсь прямо домой, с остановкой в Кави». Поездка к Горькому не состоялась.

ГОРЬКИЙ В ПОМПЕЯХ

Фотография Н. Е. Буренина, 1906—1907

Музей Горького, Москва

23. ЛОПАТИН — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

⟨Генуя.⟩ 19.VIII.12, утро

⟨...⟩ Я писал Ек⟨атерине⟩ Павл⟨овне⟩, что пробуду здесь недели 2 или 3 и прибавил: «если в конце этого времени А⟨лексей⟩ М⟨аксимо-вич⟩ будет еще в Alassio и если Вам не будет в тягость мое пребывание в течение недели (ехать в такую даль на день или два положительно не стоит), то я охотно приеду к Вам»¹. Ответа на это письмо я не получил² и теперь знаю почему. Раз А. М. уехал³, то мне нечего делать там даже с ее точки зрения. Раньше это было бы лишним развлечением для А. М. и лишним шансом для удержания его там. Затем таилась надежда на возможность разговоров, в которых я поддержал бы ее сторону касательно планов на будущее. А теперь на что ей там? Не для излишней же грусти и жалоб, к чему она совсем не склонна. Да и для себя мне там нечего делать: ведь *интересен*-то все же он, а не она, несмотря на все мое сочувствие к ее бедам.

¹ Лопатин писал Пешковой 9 августа 1912 г. из Генуи: «Получил я Вашу записочку накануне моего выезда из Fezzano (...) Думаю прогостить здесь недели три. Если к тому времени А(лексей) М(аксимович) не уедет еще из Alassio, если мое присутствие не покажется Вам в тягость в продолжение недели (ехать на сутки или двое в такую даль не стоит), то я охотно загляну в Ваши палестины, о чем у нас есть еще время списаться. Привет Вам и А. М.» (АГ).

² Ответ был получен несколько позже. См. п. 24.

³ Горький уехал из Аляссио 8 августа 1912 г. Из п. Горького к Амфитеатрову от 2 августа 1912 г. видно, что сам Горький надеялся на встречу с Лопатиным в Аляссио.

24. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

(Генуя.) 20.VIII.12

<...> Получил письмо от Ек(атерины) П(авловны), пишет, что А(лексей) М(аксимович) уехал и неизвестно, — вернется ли он через 3 недели или даже вообще; но что если я захочу заглянуть к ней¹ и без А. М., то она будет очень рада. Сообщает о Вашем приглашении и о невозможности воспользоваться им сейчас и прибавляет, что хотела бы побывать у Вас хоть попозже, «чтоб душой погреться» — бедняжка!

¹ Приезд Лопатина в Аляссио не состоялся. 25 августа он сообщил Амфитеатровой: «Ек. Павл. звала меня погостить у ней. Я долго колебался, но, кажется, не поеду».

25. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ

(1 ноября 1912 г.)

Ливорно, пятница, 10 ч. утра. Пишу стоя на кабестане (тот ворот, которым «выхаживают» якорь).

<...> За Porto Venere¹ началась «игра»! Все «мальдемерцы» (от mal-de-mer *) показали себя «вовсю». Судно «выгребало» против ветра едва 1 милю в час!

Когда на маленькой парусной лодке идешь «круто к ветру», все время на боку, черпая временами бортом, это немного жутко, но интересно; но когда высокий пароход делает то же, это, право... глупо и... почти страшно <...> В 2 ч. ночи встаю, оглядываюсь: стоим в залитом огнями порту. Картина что-то знакомая. «Где мы?» — «В Специи». — «Как! Мы вернулись назад в Специю?» — «А Вам хотелось бы потонуть в другом месте?» <...> Что было по дороге «ни в сказках сказать, ни пером описать!» — Пришли в 9 ч(асов) у(тра). Надеемся быть в Неаполе не позже воскресенья, если не утонем.

Датируется по содержанию (пятница — 1 нояб.). На открытке почт. шт.: «Napoli 3. 11. 12».

Публикуемая (с сокращениями) открытка — первая из семи отосланных Лопатиным Амфитеатрову во время его поездки в Неаполь, а затем на Капри. У Горького Лопатин находился с 3 по 10 ноября 1912 г. Приезду Лопатина на Капри предшествовала его переписка с Горьким в октябре 1912 г. (Г—Л, п. 6-8).

¹ Порт в районе Специи.

26. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ

(2 ноября 1912 г. № 2)

Старая калоша «Farfaluga», облыжно именуемая пароходом «Seri-via» — суббота, полдень, — пишется на «бухте» (свертке) якорного каната, при славной качке <...>

* морская болезнь (фр.).

Помнится, я говорил Вам, что со дня моего «воскресенья» природа неизменно благоприятствует моим поездкам. Пусть как угодно свирепствуют стихии, хотя бы в день моего отъезда. Но за полчаса до выхода моего из дому дождь и снег приостанавливаются, чтобы дать мне дойти до станции или до пристани. Да и в дороге, чуть мне нужно выйти, или где мне нужно смотреть и любоваться, я всегда имею в изобилии солнце и свет. Так было и на этот раз. Ночью ревел шторм, лил дождь. Около $\frac{1}{2}$ 6-го я не отважился спуститься в темноте с лесенки без поручней, ибо вода кипела и билась как безумная. А к 7-ми, к моему выходу из дому, все успокоилось, а в 10 ч. к «отвалу» даже вышло солнце. Правда, в открытом море разразился шторм, но ведь буря — тоже «картина природы» и тоже входит в число интересных переживаний. Итак, на природу я не жалеюсь <...>

В Неаполе будем *не ранее 8 ч. вечера!* Подумайте: сладко ли очутиться в «незнакомом» городе «на ночь глядя» да еще в таком разбойничьем вертепе, как неаполитанский порт!

Датируется по содержанию. На открытке почт. шт.: «Napoli 3. 11. 12».

27. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ

Неаполь. Воскресенье (3—4 ноября 1912 г.)

<...> Должно быть, натура давно уже просила езды и хорошей встряски. В Неаполь приехал вчера затемно в 9 ч. в<ечера>. Начался грабёж: перевозчики, носильщики, указчики... Наконец я рывкнул: «Зовите карабинеров или гвардию, такие-сякие! Не дам ни копейки больше. Я и так плачу вдвое против тарифов». Тогда разбойники кротко: «К чему тут полиция? Дайте что, пожалуйста, Ваша честь». — **Беру** извозчика. Путем расспросов у полицейских и местных торговцев нахожу узкую улочку, где едва протесняется *один* экипаж (двум не разминуться). Вид разбойничьего вертепа. Отыскиваю моих молодоженов¹. Знаете, по сообщенным мне ценам я ожидал чего-то очень жалкого. Но действительность превзошла все мои ожидания. Это — Хитров рынок, Вяземская лавра², Contes miracles*! Сдаются собственно *углы*, хотя уступают и по 4 угла в одни руки. За всякими «надобностями» выходят на улицу и в публичные бесплатные учреждения... Все остальное сообразно с этим. Ужас! Зато нравы просты. Мне не нашлось ни одной комнатурки. Говорю: «куда же я пойду теперь ночевать?», а хозяйка: «а зачем идти? Вот двое козел, две доски, я сейчас огорожу Вам койку в головах у молодоженов, положу тюфяк, и отлично выспитесь!» И что же? Ведь пришлось соснуть именно так! <...>

Сегодня же уезжаю на Капри. Уже дал депешу³ <...>

4.XI. — забыл эту открытку в кармане и отсылаю уже на Капри.

Датируется по содержанию. На открытке почт. шт.: «Capri 5. 11. 12».

¹ В Неаполе в то время жила племянница Лопатина и ее муж.

² Хитров рынок — площадь в центре дореволюционной Москвы, окруженная ночлежными домами.

Вяземская лавра — так называли дом Вяземского в Петербурге, в котором находились самые дешевые трактиры и ночлежные дома.

³ Телеграмма Лопатина не разыскана.

28. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВЫМ

(Капри. 5—7 ноября 1912 г.)

Капри. 5.XI.12 — № 4

Дорогие А. В. и И. В!

Продолжаю мою Одиссею. В воскресенье, в полдень, даю депешу. Приезжаю затемно. На пристани никого. Плохо. Думаю: «С легким чемоданчиком не стоит брать извозчика. Пойду по колесной дороге, которая, наверно, ведет и мимо них. А про виллу¹ спрошу у прохожих». Иду, иду, взмок как мышь, чемоданчик оттянул руку, горы, темень, и никаких прохожих. Наконец какие-то два парня. «Знаете виллу М<аксима> Г<орького>?» — «Знаем». — «Ведите, я заплачу». Ходили, ходили по горам и долам. Пришли к какому-то неосвященному зданию, звонились, звонились, так и не дозвонились никого. «Ведите меня вниз на марину, в какую-нибудь скромную гостиницу». Внизу останавливает меня некто: «Вы — Л<опатин>? Я Вас видал в Париже». — «Да». — «Куда же Вы идете? А Горькие Вас ждали на Funiculaire * (о коем я совсем позабыл). Не дождались, подумали, что Вы опоздали к пароходу и ушли домой». — «Ведите меня к ним». Признаюсь, по душевной испорченности, я подумал из отсутствия встречи, что ко мне «повернули холодное плечо». К счастью, я ошибся. А<лексей> М<аксимо-вич>, М<ария> Ф<едоровна>, ее сын Ю<рий> А<ндреевич>² и др. долго ждали меня и не дождались. Все сложилось потом по-хорошему. Жаль только, что А. М., стоя долго вечером на ветру, в одном пиджаке, немного простудился, что мне очень досадно и неприятно. О делах Бурцева³ уже говорил не мало и встретил то, чего и ожидал: доброжелательность, но вялую и неактивную. И чувело же этот Б<урцев>! Пишет «выеду в субботу» (через день после моего отъезда). «В Специи буду в среду» (когда я буду в Неаполе!). «Очень бы нужно повидаться с вами» (зачем же путал?). Хотел бы повидать и Горького. Телеграфируйте «туда-то» (а его там уже нет!) «Пишите туда-то». — Написал, но никакого толка не жду.

(По горам и долам я бродил в темноте целых два часа без отдыха. Ва!)

7/XI 12. — Атмосфера здесь не из радостных: М. Ф. грустна и все задумывается. А. М. тоже не шибко весел. Вот уже вторые сутки, что непогода мешает мне выехать, авось удастся завтра, а эти строки пошлю, вероятно, сегодня и дорогим почтовым пароходом <...>⁴

¹ Вилла «Серафима», где жил Горький, была расположена на виа Муло. Один небольшой дом занимали Горький и М. Ф. Андреева; в другом была столовая и комнаты для приезжающих.

² Юрий Андреевич Желябужский.

³ Речь идет об издании газ. «Будущее».

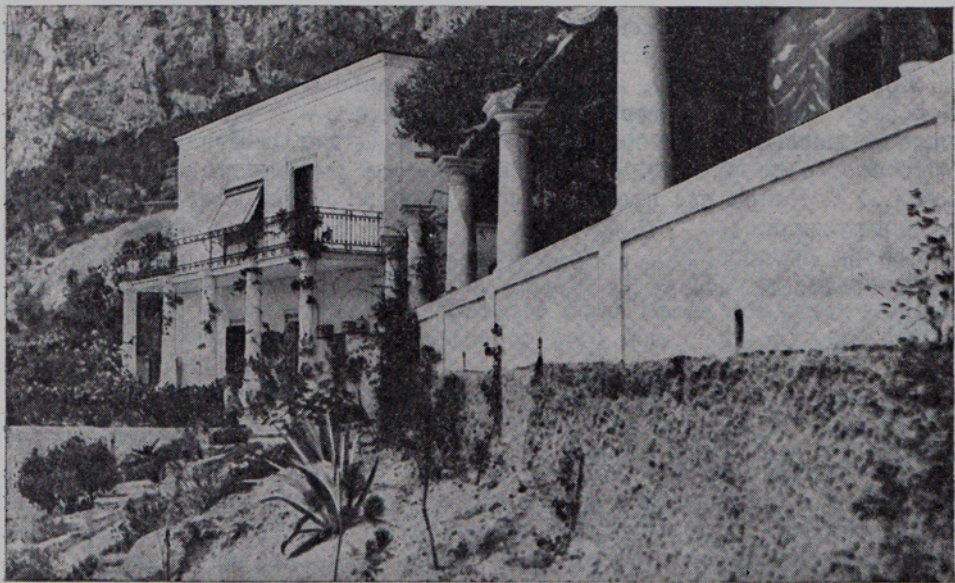
⁴ На открытке почт. шт.: «Сарг 7.XI.12».

29. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

№ 5. Капри. 9.XI.12. Суббота

<...> Все дела мои здесь я прикончил в двое суток (понеде<ельник> и вторн<ик>). Думаю: «В среду съезжу в лазурный грот, а в четв<ерг> на заре уеду отсюда». Но в среду была непогода; отложил до четверга; в четв<ерг> случилось то же, а потому решил выехать в пятницу, не побывав в гроте. Но в пятницу разыгралась такая буря, что пароход вовсе не пошел. А попозже получила депеша от Бурцева, что он

* фуникулёр (фр.).

КАПРИ. ВИЛЛА «СЕРАФИНА»

Фотография Ю. А. Желябужского, 1911—1913

Музей Горького, Москва

завтра (то есть сегодня, в субботу) будет сюда¹. Значит, выехать придется только в воскресенье или понедельник <...> Разговор о здешнем «душенстроении» и пр. откладываю до свидания, памятуя слова мудрого Соломона, Иисуса сына Сирахова, Козьмы Пруткова и других древних философов: «Слово — не воробей...», «Что написано пером...», «Verba volant, scripta manent»...* и т. д., и т. д.

Воскресенье, утро. Вчера приехал Бурцев и вчера же переговорили о всем, что ему нужно, так что сегодня мы оба уезжаем² (в не совсем удобный для меня час), а завтра уезжает М<ария> Ф<едоровна> с сыном... По крайней мере, она так сказала мне. Признаюсь, я плохо понимаю, что тут происходит и что будет далее.

¹ 8 ноября Горький телеграфировал Бурцеву в Неаполь, сообщая, что Лопатин находится на Капри (АГ). Бурцев приехал на Капри 9 ноября 1912 г. (Дн. Пятиницкого). По-видимому, именно к этой встрече относятся воспоминания Бурцева: «...я был в Неаполе и написал Лопатину на Капри. Лопатин от имени Горького телеграммой пригласил меня приехать на Капри. Один вечер мы провели все вместе у Горького за общим разговором. Более всех рассказывал Лопатин. Рассказывал по обыкновению красочно и увлекательно. Слушателей особенно занял его рассказ именно о том, как эсеры хотели меня на суде поймать по поводу устройства побега Бакаю» (Бурцев В. В погоне за провокаторами. М.: Л., 1928. С. 114).

² 28 октября/10 ноября 1912 г. Пятицкий записал в дневнике: «Только что уехали Лопатин и Бурцев» (АГ).

30. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

(Неаполь) № 6. Понедельник. 11.XI.12. Вяземская лавра. Вечер

<...> День за днем, я задержался на Капри целую неделю и лишь вчера уехал оттуда вместе с Б<урцевым>. И давно было пора! Ибо как раз в это время шла подспудная трагедия и готовился последний акт. «Она» мне сказала, что уезжает на другой день вместе с сыном. Но мне плохо верилось. Однако сегодня на морском смотру я познакомился

* Слова улетают, написанное остается (лат.).

случайно с одним русским, который рассказал мне, что он ехал сегодня с Капри с одной русской «княгиней» с сыном, которую провожал до пристани Г^{орький}, причем при прощанье было не мало слез и пр. Так что отъезд ее несомненен¹. Куда она едет, как намерена устроиться, чем жить, как мотивировала свой отъезд мне и Бурчику, обо всем этом писать не рискую. И там было не так-то покойно спать над лавой <...> С Капри нас провожало пять шпииков: 3 француз, два итальянца и один русский.

¹ М. Ф. Андреева уехала с Капри 11 ноября 1912 г. Горький сообщал Е. П. Пешковой: «В понедельник утром М^{ария} Ф^{едоровна} уехала, мы простились дружески. Все вещи ее взяты ею, и более она не вернется сюда» (Арх. Г., Т. IX. С. 149).

31. ЛОПАТИН — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

№ 7 Неаполь. 12.XI.12

<...> Теперь берусь снова за жалобы и доносы. Не знаю,— каков Неаполь в хорошую погоду, но в дождь я не видал еще более грязной дыры. Впрочем, и в сухомень, поутру, после поливки улиц, тротуары нестерпимо скользки и грязны. А теперь то и дело идет дождь, иной раз проливной. Можете себе представить — как это удобно для всяких поисков, осмотров и т. п.! <...> Во всяком случае я порешил зайти завтра в музей, послезавтра в Помпею, а в пятницу отрясти прах с моих ног на Неаполь и его окрестности <...> Возможно, что такое же счастье выпадет на мою долю и в Риме, и тогда я, конечно, недолго пробуду в отсутствии <...> На Капри местные доброжелатели доложили Г^{орьки}м, что если я и Б^{урцев} выедем в воскресенье, то нас арестуют при сходе с парохода; так как сопровождавшие Б. из Парижа шпиики, потерявшие его было из виду, теперь снова нашли его в моей компании. Но, конечно, ничего не вышло, кроме почетного сопровождения.

32. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

«Феццано. 22 апреля 1913 г.»

№ 9. Вторник

<...> Вернулся Зина¹. Ничего особенно интересного не рассказывал. Видно только, 1) что денежное положение там убийственное (однако привез Лиде² в подарок от А^{лексея} М^{аксимовича} очень дорогую шаль) 2) что Е^{катерина} П^{авловна} живет не в одном доме с А. М., с коим живет только М^{аксим} и 3) что письменные и деловые сношения с М^{арией} Ф^{едоровной} продолжаются, что как будто показывает, что она была со мною не столь неправдива, как можно было бы думать.

Датируется по содержанию (вторник — 22 апр.) и почт. шт.: «Феццано 23. 4. 13».

¹ З. А. Пешков.

² Л. П. Пешкова писала Горькому из Феццано: «Право, не знаю, что и делать с таким роскошным подарком, не по плечам он обывательской девице, более пристал бы он торжественной и прохладной тишине старообрядческого храма. Так красиво разнообразие листьев и цветов, исполненное одной серебристой нитью. Все население „Теплого дома“ (т. е. виллы Буриасси) сбежалось смотреть заморскую красавицу, а Герман Александрович даже боялся в руки брать. Красота!»

А с другой стороны, Ваш подарок. Разве я видела хоть одну некрасивую вещь, данную Вашими руками? Воистину считаю себя редкой счастливицей и обладательницей Вашего подарка» (АГ).

33. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

СПб. 14(27) VII, 1913

<...> Погода у нас еще хуже вашей. Она разрушила много моих планов. Напр., я хотел спуститься из Екатеринослава до Александровска по Днепру на плотах, через пресловутые пороги, чтобы посмотреть самолично, что это такое <...>

По-видимому, Горький собирается на родину? ¹ Куда именно, особенно сначала? Надолго ли? Не повлияло ли на его решение мое благополучное пребывание в отечестве? ² Знал ли об этом пребывании Бурчик ³ в то время, когда он гостил у Вас? Очень ли он возмущался моей скрытностью? Не скрывайте от него моего адреса, если бы он обратился к Вам за ним <...>

Рад, что Эрзя ⁴ вам так нравится, рад и за Вас, и за него, а то он, бедняга, чувствовал бы себя совсем одиноко в своей беломраморной дыре. Искренно рад за Лиду и Зину по поводу устройства последнего при «Энергии» ⁵.

Читали ли вы в киевских газетах о театральных успехах М(арии) Ф(едоровны)? Сам я этих статей не читал, но слышал от всех, видевших ее в «Одиноких» Гауптмана, самые восторженные отзывы об ее игре. Говорят о ней, как об очень умной актрисе, создавшей свою роль совсем по-своему и очень удачно. Сценическую ее наружность тоже очень хвалят. По-видимому, она поступила-таки в труппу Художественного театра, по крайней мере, она была в Киеве с отделением этой труппы ⁶. Жаль, что меня не было тогда там.

¹ Виза на выезд в Россию была получена Горьким в Неаполе 5 июля 1913 г.

² Об отъезде Лопатина в Россию см. в сообщении Л. С. Пустильник «К биографии Лопатина» и вступ. ст. Н. И. Дикущиной.

³ В. Л. Бурцев.

⁴ Степан Дмитриевич Эрзя (наст. фамилия — Нефедов, 1876—1959) — скульптор. С 1906 по 1914 г. жил в Италии и Франции. Во время своего пребывания в Италии Эрзя сблизился с Амфитеатровым, который оказывал ему в то время поддержку «Когда Эрзя работал в Карраре, в Феццано жил Амфитеатров. Его дом был широко открыт для всех русских, и многие видные русские эмигранты посещали писателя. Г. А. Лопатин познакомил Эрзя с А. В. Амфитеатровым. Последний много слышал о нем от Ф. И. Шаляпина. Он оценил его талант, весьма радушно принял русского скульптора, оставил у себя гостить и скоро с ним сдружился <...> Когда Амфитеатров из Феццано переехал в Левант, он пригласил к себе погостить Эрзя и устроил там для него мастерскую. Эрзя с охотой переселился к нему и перевез в новую мастерскую весь свой мрамор и инструменты из Каррары. Здесь Эрзя сделал одну из самых сильных своих вещей — «Агриппину». Далее он сработал изящный портрет «мальчика с собакой» — сына А. Амфитеатрова, большую фигуру «Иоанна Крестителя» для феццанской церкви и портрет Б(урцева?). Все эти вещи, кроме «Иоанна Крестителя», который был помещен в феццанской церкви, остались у А. В. Амфитеатрова и нигде не были выставлены <...> У А. В. Амфитеатрова Эрзя прожил около четырех месяцев» (Сугеев Г. Скульптор Эрзя: Биограф. заметки и воспоминания / Сост. Г. С. Горина. Саранск, 1968. С. 42—43). См. очерк Амфитеатрова «Ерзя» в его кн. «Заметы сердца» (СПб., 1909).

⁵ З. А. Пешков некоторое время был секретарем сборников «Энергия». См.: А—Г, п. от 2 октября 1913 г.

⁶ М. Ф. Андреева приехала в Россию с Капри в конце 1912 г. нелегально и шесть месяцев жила под чужим именем. Возобновление ее артистической деятельности стало возможным после того, как группа артистов МХТ (от их имени выступал Н. А. Румянцев) обратилась в Министерство внутренних дел с ходатайством о разрешении Андреевой участвовать в гастрольных поездках театра в Киеве. См.: М. Ф. Андреева. С. 191—192.

Гастрольные спектакли Андреевой с артистами МХТ состоялись в Киеве 2, 3 и 4 июня 1913 г. в театре «Соловцов». Шла пьеса Г. Гауптмана «Одинокие» с участием М. Ф. Андреевой, В. И. Качалова, И. М. Москвина, О. Л. Книппер-Чеховой и др. В киевских газетах гастроль МХТ получили восторженную оценку. О М. Ф. Андреевой в одной из статей говорилось: «Случилось так, что М. Ф. Андреева, вернувшаяся на сцену после восьмилетнего перерыва, предстала перед зрителем в той же роли, тепло и сердечно приветствуемая аудиторией, как достойная и всегда желан-

ная, своим исполнением заставляющая прежде всего говорить о себе, о роли Кэт и вновь пересмотреть вопрос о толковании идеи Гауптмана, принятом московскими художниками» (*Чаговец В.* Спектакль артистов Художественного театра // *Киевская мысль*. 1913. № 153. 5 июня).

34. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

(Феццано.) (9) 22.VIII.1913

<...> Хорошего молодого писателя мы обрели — некоего Бориса Тимофеева¹. Немножко слишком много горьковщины, но, как Вам известно, я этим не обижаюсь и думаю, что из всех предметов к подражанию в нынешнюю эпоху это все-таки наилучший <...>

К юбилею Короленко написал с большою, правду сказать, неохотою маленькую статью в «Киевскую мысль» по требованию² <...> Правда сказать, эти юбилеи Короленко, при всем моем глубоком к нему уважении, начинают делаться смешными. Что это за юбилей шестидесятилетнего рождения, шестидесяти лет со времени крестин, со времени первых именин и т. д. и т. д. Напрашивается на юмористический очерк. Он, конечно, менее всего в этом виноват, но кругом-то его дураки, что ли? Горький никогда не позволил бы такого юбилейного изнасилования... А Горький где-то опять пропал. Последнее его письмо было из Римини, писал он о том, что едет к нам, только ему надо предварительно побывать еще в одном месте³, но в этом самом одном месте, которое не знаю где, пропал столь основательно, что затем ни слуха о нем, ни духа, и на письмо, которое я отправил ему в Римини, ответа не было до сих пор... Уже недели две с лишним... В Россию, по-видимому, все-таки едет, равно как, по-видимому, очень хорошо понимает, что ему предстоит по приезду в Россию основывать нечто вроде новой Ясной Поляны. Мой взгляд на сей предмет Вы знаете, и я думаю, что это ему и удастся и будет очень хорошо во всех отношениях... Голова у него умственная, набита теперь всяким знанием весьма обильно и прочно, а разговорщик он неутомимый и умеет увлекать и чаровать людей, что на этом амплуа, надобность которого в русском обществе несомненна, являет качество весьма драгоценное⁴.

Печатается по машинописной копии с пометой Амфитеатрова: «Г. А. Лопатину».

¹ Амфитеатров имеет в виду первый сборник «Энергия», в который была принята повесть Б. Тимофеева «Сухие сучки». См.: А—Г, п. от 26 сент. 1913 г., прим. 64

² Статья «На страже чести» была написана в связи с 60-летием Короленко. См.: *Киевская мысль*. 1913. № 193. 15 июля.

³ 11 июля 1913 г. Горький уехал лечиться на север Италии. Амфитеатров упоминает п. Горького к нему (июль, после 20, 1913 г.).

⁴ См. также: А—Г, п. от 12 июля 1913 г.

35. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

(Петербург.) 6(19).IX.13

<...> 20 августа еще купались, — это в северной-то России! Здесь я и до сих пор сплю с открытым настежь окном (без жалюзи).

<...> Странно, что я так плохо рассмотрел Эрьзю¹: многое в его мнениях — напр., о ненужности чтения — казалось мне «безлепидей», его отзывы о других мастерах напоминали мне замечания древних об *gens invidiota poetarum**, а речи о себе дышали, на мой взгляд, детским самодовольством; работы же его представлялись мне монотонным повторением собственной особы во всех видах: Христа, пахаря, кузнеца и пр. и пр. Не думаю, чтобы он мог быть компрометирован сколько-нибудь серьезно <...>

* завистливой породе поэтов (лат.).

Вашей статейки в «Киевской мысли» по поводу юбилея Короленки, вследствие моих разъездов, не читал. Но вполне согласен с Вами насчет избыточности этих чествований и готов воскликнуть параллельно калхасовскому *Stop des fleurs — Stop des jubilés!*^{2*} О Горьком не знаю, что и думать. Слышу, что М<ария> Ф<едоровна> поехала к нему, спрашиваю: значит, она снова переселяется на Капри? Отвечают: отнюдь! Для нее это невозможно, ибо она подписала контракт с театром², но она поехала на месяц, сдавшись на его мольбы. Затем слышу, что у Г<орького> пошла горлом кровь, что климат Капри оказался для него вовсе неподходящим, что его перевезли в Локарно (или Лугано)³, и пр. Так что выходит, как будто она поехала туда походить за ним. Впрочем, сейчас Вы, вероятно, лучше знаете всю правду. — Где это Римини? Не то близ Рима, не то в Ломбардии?⁴... Помню только, что там была какая-то Франческа, попавшая в пьесу, послужившую где-то сигналом для восстания или мятежа⁵. Желал бы я быть обманутым, т. е. чтобы оказалось, что Горький здоров и едет в Россию, где ему действительно нашлась бы роль и дело.

¹ Лопатин отвечает на п. Амфитеатрова от 9/22 августа 1913 г.: «У нас долго жил Эрзя, работал бюст Бубы, весьма великолепный. Большущая сила сидит в этом человеке, настоящий он во всех отношениях. <...> Прелюбопытная и истинно демократическая натура, без маскарада <...> Хорошо было бы узнать в России, какие собственно причины воспрепятствуют Эрзю въезд на родину».

² В мае 1913 г. М. Ф. Андреева подписала контракт о вступлении в труппу Свободного театра.

³ Локарно и Лугано — города в Швейцарии.

⁴ Город и порт Римини расположен на Адриатическом море. 11 июля Горький уехал лечиться на север Италии. С М. Ф. Андреевой, Н. А. Румянцевым и Л. М. Леонидовым встретился в Римини.

⁵ С историей трагической любви Франчески и Паоло, воспетой Данте в знаменитой V песне «Ада», связано действительное событие, происшедшее в итальянском городе Римини в конце XIII в. О какой пьесе идет речь — неизвестно. К этому сюжету обращались русские композиторы (оперы С. В. Рахманинова и Э. Ф. Направника, фантазия для оркестра П. И. Чайковского).

33. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

(Петербург.) 19.IX (2.X) 1913

<...> Неужели Вы так-таки *ничего* не знаете о Горьком: о кровахарканье, о перевозе его в Локарно или Лугано, о приезде туда М<арии> Ф<едоровны> и пр.?! Ведь это же изумительно! И где же справляться о нем, как не у Вас — Зины?!

37. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

Levanto. (21.X) 3.XI.1913

<...> Вчера были братья Золотаревы¹ с острова Капри, проездом в Париж. Собираются в Россию. По словам их, Горький, который чрезвычайно поправился и выглядит лучше, чем когда-либо, тоже думает ехать в Россию и, кажется, непременно поедет, потому что весьма увлекся врачом Манухиным, поставившим его на ноги. Это мне нравится еще и потому, что Манухин² киевлянин, и, значит, Горький если за ним последует, то должен будет поселиться в хорошем климате.

Печатается по машинописной копии с карандашной правкой Амфитеатрова (без подписи).

¹ А. А. и Н. А. Золотаревы. См. также: А—Г, п. от 16 ноября 1913 г.

² И. И. Манухин.

^{2*} Довольно цветов — остановите чествования! (фр.).

38. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

(Петербург.) 30.X (12.XI) 1913

<...> Я рад, что Горький поздоровел и собирается на родину. Мне кажется, что для него это безопасно <...>

Жаль, что Бейлис оправдан не только не единогласно, но и не большинством, а лишь *равенством* (по 6) голосов за и против, что, как известно, обращается по закону в пользу подсудимого, т. е. оправдания¹.

¹ На это высказывание Лопатина Амфитеатров ссылался в своем п. Горькому от 16 ноября 1913 г.

39. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

(Леванто.) <5> 18.XI.1913

<...> Восторги по приговору Бейлисова дела читаю и хочу крикнуть, как казак, которого по молитве к угодникам перебросило через лошадь: — Не всё сразу! Наш Алексей Максимович, конечно, не мог не перестараться пуще всех...¹ А ликовать, по-моему, совсем нечего. Я буду писать по этому поводу во второй книжке «Энергии»², но есть вещи, которых не напечатаете, а между тем я чрезвычайно их боюсь <...>

Да, вот сегодня и от Шолома Алейхема получил письмо, в котором ясно звучат ноты совсем не пылкого восторга, выражающегося словами: «могло быть хуже»... Конечно, могло. Но надо было бы лучше, и я надеялся, что будет лучше. Не по вере в великий смысл простого серого мужика, которым утешаются Ал. Мак. и другие³, а просто потому, что уж очень чудовищно нелепо, глупо и бездарно велось обвинение.

Печатается по машинописной копии с карандашной правкой Амфитеатрова.

¹ См.: Г—А, п. от ноября, не позднее 14, 1913 г.

² См.: п. от 25 ноября 1913 г. Лопатину Амфитеатров писал 10 ноября 1914 г.: «В конце концов выпустил книжку, сняв из нее свою статью о Бейлисе, ибо она приводила издателей в ужас и плач своей нецензурностью, по-моему, впрочем, мнимую».

³ Короленко в корреспонденции из Киева писал о составе присяжных заседателей: «(...) общее впечатление от него именно серое <...> Состав по сословиям — семь крестьян, три мещанина, два мелких чиновника. Два интеллигентных человека попали в запасные. Старшина — писец контрольной палаты. Состав для университетского центра, несомненно, исключительный» (Рус. ведомости. 1913. № 247. 27 окт.).

«Дело Бейлиса, — писал Короленко в другой корреспонденции, — тоже искажено ложным направлением следствия, но и оно стало ясно после суда и речей защиты (...) Я лично не теряю надежды, что луч народного здравого смысла и народной совести пробьется даже сквозь эти туманы, так густо затянувшие в данную минуту горизонт русского правосудия. Правда, испытание, которому оно подвергнуто на глазах у всего мира, тяжелое, и если присяжные выйдут из него с честью, это будет значить, что нет уже на Руси таких условий, при которых можно вырвать у народной совести ритуальное обвинение» (Рус. ведомости. 1913. № 248. 28 окт. (прил. к номеру)).

«Исключительность состава присяжных еще подчеркивает значение оправдания», — отмечал Короленко в корреспонденции «Присяжные ответили...» (Рус. ведомости. 1913. № 249. 29 окт.).

Короленко писал М. Г. Лопшаревой в связи с окончанием процесса: «Да, это была минута, когда репортеры вылетали из суда, с коротким словом: оправдан. Я чувствую еще до сих пор целебную силу этого слова. Чуть начинается нервность и бессонница, — вспоминаю улицы Киева в эти минуты и сладко засыпаю» (Короленко В. Г. Собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 763).

40. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

Levanto. <23.XII.1913 г.> 1914.I.5

<...> От Горького страшно давно нет вестей¹. Лопнула тут какая-то пружина <...> а почему — бог весть?

Здоровье его, слышно, опять хуже² и настроение, судя по одной записке, Зиною³ полученной, очень мрачное.

¹ На свое п. Горькому от 25 ноября 1913 г., адресованное на Капри, Амфитеатров получил ответ только 23 марта/5 апреля 1914 г. из Петербурга.

² Известия об обострении болезни Горького проникли и в печать. Так, в записке «Максим Горький в Финляндии» говорилось: «Легочный туберкулез, не оставлявший А. М. в течение почти всей его жизни, принял за последнее время столь опасную форму, что пользовавшие его итальянские и французские врачи теряли надежду на выздоровление. Спасителем Горького явился молодой русский врач М(анухин), один из практикантов пастеровской клиники. Он применил к писателю вновь открытый способ лечения туберкулеза, путем освещения селезенки рентгеновскими лучами» (Биржевые ведомости, веч. вып. 1914. № 13939. 7 янв.).

³ З. А. Пешков.

41. АМФИТЕАТРОВ — ЛОПАТИНУ

Levanto. <29.IV> 12.V.1914

<...> От Алексея Максимовича имел одно письмо¹, весьма бессодержательное, из которого видно только то, что Россия приплась ему не сахарно. Во всяком случае, он засядет там, видимо, навсегда, так как жизнь на Капри совершенно ликвидирована. Приводят меня в большое огорчение слухи о его театральных предприятиях и затеях². Во-первых, прогорит он зверски на этом деле. Во-вторых — изматает оно его нервно и всячески. В-третьих, — Горький, возвратившийся в Россию для того, чтобы заняться антрепризой, как-то ужасно мизерно, все равно, что Топтыгин чижику съел. Но писать ему обо всем этом, конечно, невозможно, ибо только родит недоразумения. Если бы виделся, то, конечно, все бы это ему высказал.

У нас здесь многие перемены и предвидятся еще некоторые. Уезжает Константин Андреевич³ куда-то строить теософские храмы <...> Эрзя уехал в Россию. (Уже в России). Надавал я ему писем к разным именитым людям видимо-невидимо.

Печатается по машинописной копии с правкой Амфитеатрова.

¹ Имеется в виду п. Горького Амфитеатрову от 23 марта/5 апреля 1914 г.

² В печати сообщалось о намерении Горького создать новый драматический театр и привлечь в него Шаляпина: «Ф. И. Шаляпин дал свое принципиальное согласие М. Горькому выступить в театре, который М. Горький предполагает в будущем сезоне открыть в Москве. Интересно то, что Ф. Шаляпин выступит в качестве драматического артиста, причем М. Горьким будет специально написана пьеса и будет создана соответствующая роль для Шаляпина» (День. 1914. № 107. 21 апр.).

³ Возможно, К. А. Лигский.

42. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

Поместье Корсаковка, неподалеку от Боровичей (Новгородской губ(ернии)).
Старая барская усадьба, раннее утро — 5(18) V.1914

<...> Вот куда я забрался на недельку, чтобы побродить по полям, подышать утренней прохладой в густом вековом парке, послушать птичьего щебета, кваканья лягушек и всяких деревенских звуков... а в конце этого месяца думаю отправиться на Черное море в окрестности Батума, в имение одного из моих братьев, а оттуда в Тифлис, где у меня имеются две сестры. А там недалеко уже и до Баку, откуда,

пересекши вдоль Хвалынское море¹, можно подняться вверх по матушке Волге до самого Ярославля и даже до Твери². Как видите, во мне еще не успокоилась бродяжеская жилка, которая продолжает толкать меня туда и сюда. Но при этом я продолжаю удерживать за собою свой скромный, петербургский *piéd-à-terre*³, куда могу вернуться всякую минуту, чтобы найти там мои книги и прочую «хурду-мурду» на своем месте, точно я только вчера или сегодня вышел из комнаты. Это чертовски приятно, и я постараюсь — поэтому — сохранить мое нынешнее логовище вплоть до гробовой доски, если мне суждено умереть <...>

<...> Горький живет, говорят, в двух шагах от меня⁴, но так как он и М^ария Ф^едоровна притаились, не подавая никаких признаков жизни, то и я не вижу нужды тревожить их уединение.

¹ Древнерусское название Каспийского моря.

² Ныне — г. Калинин.

³ «Квартиру-то я нанял еще месяц назад, — писал Лопатин Амфитеатрову 14/27 июля 1913 г., — тотчас по приезде сюда и решил оставлять ее за собой при всех своих разъездах в качестве постоянной *piéd-à-terre*, т. е. собственного угла, где хранились бы мои вещи и куда я во всякое время мог бы явиться, никого не предупреждая и не теряя времени каждый раз на поиски логовища. Мой краткий адрес таков: «Г. А. Лопатину. Карповка 19, СПб.», а более обстоятельный таков: «Набережная Карповки. Литераторская улица, Дом писателей, 19».

⁴ Горький жил в то время в Финляндии в местечке Кирьявала (станция Муштамяки).

43. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

Черное море. На граверзе Судака.
Воскресенье, 7.VI.1914

<...> Читал я в газетах, что Горький уехал в Давос, что, по-видимому, показывает, что доктор Манухин (?) (или Леухин?) совсем не чудотворец¹ <...> Со многим из того, что Вы говорите по поводу его затей и пр., я согласен, но ведь все это — лишь газетные слухи, да и действительно имеющиеся замыслы могут не осуществиться, что даже всего вероятнее. — По поводу теософического храма² не могу не воскликнуть: «Господи! Как много еще идиотов и безумцев даже среди образованной интеллигенции!» Эрзя уже испытал всю прелесть русской «каталашки» и пр. Чем кончились его невзгоды — и кончились ли, — решительно не знаю³.

¹ В газ. «Речь» (1914. № 131. 16(29) мая) была помещена заметка «Лечение туберкулеза по И. Манухину» о несостоятельности методов лечения доктора И. И. Манухина. Горький выступил в той же газете с опровержением этой заметки (Речь. 1914. № 134. 19 мая). См.: Г—А, п. от 23 марта/5 апреля 1914 г., прим. 2.

² Речь идет об антропософском храме Гетеанум, сооружавшемся в начале первой мировой войны в швейцарском городе Дорнахе по проекту основателя антропософии Рудольфа Штейнера. Антропософия — разновидность теософии, религиозно-мистического вероучения. В сооружении храма принимали участие приверженцы антропософии из разных стран (в том числе А. Белый).

³ В газетной заметке «Дым отечества...» сообщалось, что Эрзя приехал к проф. С. А. Венгерову с рекомендательным письмом от Амфитеатрова. Венгеров направил его к Репину в Финляндию: «На обратном пути арест. И начинаются прелести отечественного дыма. Обыск. Допрос о знакомстве с Бурцевым. Охранное отделение. Жандармы. Одиночная камера <...> И через несколько дней „свобода“ с предупреждением о надзоре полиции» (Новь. 1914. № 105. 21 мая).

44. ЛОПАТИН — АМФИТЕАТРОВУ

СПб., Карповка, 19. Дом писателей.
10(23) сентября 1914

<...> Вернулся я из моих летних скитаний уже после того, как возгорелась всемирная война, расстроившая все внешние и даже внутренние сношения. Эрзя у меня не был. Горький — тоже (что, пожалуй, — в данных обстоятельствах — довольно понятно). Не знаю, насколько правды в сообщении о его поступлении в санитары или в попытке к сему¹.

В конце письма приписка: «Конверт не заклеиваю ради облегчения военной цензуры».

¹ Слухи, о которых сообщает Лопатин, были ложными. См.: Г—Войт, п. 3, прим. 9.